Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 196–202. DOI: 10.17223/15617793/451/26

УДК – 347.1

Е.В. Вавилин, А.В. Чекмарева

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОБРОСОВЕСТНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ: МАТЕРИАЛЬНЫЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Рассматриваются отдельные проблемы добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей в цивилистическом праве и процессе. Авторы приходят к следующим выводам: изменение гражданского законодательства оказало влияние на процессуальное правоприменение, в связи с чем в процессуальном законодательстве должны найти отражение положения, закрепляющие активную роль суда в установлении недобросовестного поведения стороны; и необходимо введение принципа добросовестности в процессуальное законодательство.

Ключевые слова: принцип добросовестности; злоупотребление правом; права и обязанности сторон; гражданское право; судебная защита гражданских прав.

Когда господствует добросовестность,
достаточно одного честного слова;
а когда ее нет – клятва бесполезна.
Гийом Рейналь

Основные начала добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей установлены положением ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

В последнее десятилетие особое внимание представителей юридической науки было уделено категории «добросовестность». Отсутствие законодательного закрепления определения данного понятия диктовало необходимость его научного осмысления, выявления юридико-технических приемов утверждения принципа добросовестности в законодательстве. Современные разработки доктринальных положений, касающихся добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей, нашли свое воплощение на законодательном уровне. С 2013 г. категория «добросовестность» возведена в основополагающий принцип гражданского права [1]. В соответствии с ч. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) при установлении, осуществлении гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Подобные законодательные изменения диктуют необходимость переосмысления категории содержания прав и обязанностей, включая это установление в содержание любого права и обязанности.

Обязанность добросовестного поведения предполагается не только в случае осуществления, но и защиты гражданских прав. В связи с этим следует признать наличие межотраслевого характера реализации принципа добросовестности. Именно судебной форме защиты на сегодняшний день отдается предпочтение участниками гражданских правоотношений. Количество поступающих в суды дел неуклонно возрастает. Так, если в 2007 г. судами общей юрисдикции рассмотрено более 9 млн гражданских дел [2], то в 2018 г. – уже более 17 млн. В 2018 г. арбитражные суды окончили рассмотрение 1,908 млн дел, на 160 тыс. больше, чем годом ранее [3].

В отличие от Гражданского кодекса РФ, процессуальное законодательство не закрепляет добросовестность в качестве принципа, что нельзя признать правильным. Тем не менее законодательно установлена обязанность лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, ч. 2 ст. 41 АПК РФ, ч. 6 ст. 45 КАС РФ).

В словаре русского языка С.И. Ожегова «добросовестный» определяется как честно выполняющий свои обязательства, обязанности [4. С. 145]. Специфической чертой указанной категории является ее оценочный характер, в связи чем научная разработка понятия и текстуальное раскрытие его содержания поможет правоприменителю сделать верный вывод в ходе оценки доказательств.

Основы категории «добросовестность» относятся к морально-этической сфере. О взаимосвязи и противопоставлении права и морали ведутся научные дискуссии с давних времен. Тем не менее отрицать влияние нравственных основ на формирование современного законодательства, а также правосознания участников правоотношений не представляется возможным. Подтверждением этому является реализация принципов добросовестности, разумности, справедливости как в материальных, так и процессуальных правоотношениях. Действие указанных принципов обеспечивают равные возможности защиты, необходимый баланс прав и обязанностей, сочетание правовых и нравственных основ в процессе регулирования правоотношений. Подобная «морализация» права необходима не только по причине совершенствования правовой системы, но и в связи с упадком нравственных начал в российском обществе, недоверия к любым формам защиты права.

Идея «доброй совести», судов по «доброй совести» (bonafides, judiciabonaefidei) была заложена еще в римском праве. «Дурное» осуществление права негативно оценивалось римскими юристами, что повлекло ограничение употребления права «во зло» в Своде Юстиниана, преторских эдиктах.

Современное европейское законодательство в борьбе со злоупотреблением правом опирается на

реализованные в правовых нормах начала добросовестности, разумности, а также справедливости. В Гражданском уложении Германии, в частности, содержатся такие правовые средства, как запрещение использовать субъективное право только во вред другому; запрет реализации права против «добрых нравов» или обязанность исполнения обязательств на основе надежности и доверия с учетом «добрых нравов» [5. С. 309].

В соответствии с Конституцией, а также Гражданским кодексом Греции защита прав и свобод зависит от того, не выходит ли осуществление права за пределы понятий «добрые нравы» и «добрая совесть». Подобные требования добросовестного исполнения прав содержатся также в законодательстве других европейских государств (Португалия, Франция) и обусловлены социально-экономической направленностью правовых механизмов [6. С. 31].

Мусульманское право основывается на вытекающем из исламской религии принципе недопустимости причинения вреда другому при реализации индивидуальных потребностей. Злоупотреблением в этом случае будет признаваться факт нанесения вреда при надлежащем осуществлении права, носящий виновный характер [7. С. 8–9].

Таким образом, проблема добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей является актуальной не только для российского права, но и для зарубежных правовых систем.

В отечественной литературе принцип добросовестности иногда отождествляют с принципом недопустимости злоупотребления правом [8. С. 23], принципом недопустимости недобросовестности [9. С. 418–425]. Некоторые ученые полагают, что проблема злоупотребления правом находится за пределами права [10. С. 426]. В связи с этим возникают вопросы о соотношении понятий «недобросовестность» и «злоупотребление правом».

Так, А.А. Чукреев под принципом добросовестности понимает обязанность участника гражданских правоотношений в процессе реализации своих прав, исполнении обязанностей проявлять необходимую заботливость о соблюдении прав и интересов других участников имущественного оборота. Полагаем, что данное определение указанной обязанности раскрывает лишь один из содержательных компонентов понятия добросовестности. Ученые-процессуалисты рассматривают злоупотребление процессуальным правом как «особую форму гражданского процессуального правонарушения, то есть умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса, сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемые лишь с видимостью реализации таких прав, сопряженные с обманом в отношении известных обстоятельств дела, в целях ограничения возможности реализации или нарушения прав других лиц, участвующих в деле, а также в целях воспрепятствования деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела, влекущие применение мер гражданского процессуального принуждения» [11. С. 10].

Действительно, с одной стороны, злоупотребление, лежит в сфере недобросовестного исполнения прав. Но под понятие недобросовестности также подпадают и противоправные деяния (абз. 2 п. 2 ст. 46, п. 3 ст. 565, 580, п. 3 ст. 1078 и п. 4 ст. 1109 ГК РФ, ст. 226 ГПК РФ, ст. 159 ГПК РФ). Таким образом, специфика недобросовестного поведения состоит в том, что оно может быть как правомерным (когда лицо действует в пределах предоставленных законом прав), так и неправомерным (выходя за пределы прав, установленных законом). В ряде норм (например, абз. 3 п. 1 ст. 171, п. 2 ст. 189 ГК РФ) недобросовестность толкуется довольно широко и предполагает наличие у лица знания о том, нарушает ли его действие чьи-либо субъективные права.

Являются ли понятия недобросовестности, злоупотребления правом синонимичными? Существует ли целесообразность разделения указанных понятий, если добросовестность – это реализация своих прав и обязанностей надлежащим образом, избегая злоупотребления правом?

Полагаем, что, возводя добросовестность в основополагающий принцип, законодатель придавал указанному понятию самый широкий смысл. Реализация принципа добросовестности предполагает в первую очередь ориентацию на основные начала справедливости, соблюдение не только норм права, но и морально-этических начал.

В связи с этим нет необходимости излишне теоретизировать понятие добросовестности, принадлежащее в большей части к общелитературному, нежели специально-терминологическому слою лексики. Является ли целесообразным употребление указанного понятия в тексте закона? Считаем это необходимым, поскольку закрепление требования добросовестного поведения дисциплинирует участников правоотношений, а также дает необходимый юридический инструментарий правоприменителю, возможность обратиться к «генеральному положению в случае обнаружения несправедливости в конкретном казусе» [12. С. 26].

Одна из проблем, исследуемых в рамках обозначенной темы, касается особенностей применения норм гражданского законодательства при рассмотрении и разрешении дела в суде. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 [13] рекомендует при оценке действий сторон исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей. При этом необходимо обратить внимание на закрепленную в ч. 5 ст. 10 ГК РФ презумпцию добросовестности, в соответствии с которой добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается, пока не доказано обратное. Таким образом, указанная презумпция изменяет общее правило о распределении обязанностей по доказыванию, освобождая одну сторону от доказывания добросовестности своих действий и возлагая бремя доказывания на сторону, которая ссылается на факт недобросовестности противоположной стороны.

Следует также обратить внимание на опровержимый характер презумпции добросовестности и учиты-

вать это при ее применении. Так, при наличии доказательств, свидетельствующих о недобросовестном поведении стороны по делу, эта сторона несет бремя доказывания добросовестности и разумности своих действий. В этой связи показателен следующий пример из судебной практики.

Истец (банк) обратился в суд с исковым заявлением о признании недействительными договоров купли-продажи долей общества, заключенных компанией с фирмой и гражданином, и о применении последствий недействительности данных сделок. В ходе судебного разбирательства истец ссылался на недобросовестное поведение продавца и покупателя, указывая на факт продажи компанией в преддверии ее банкротства единственного актива (долей общества) за символическую цену – десять тысяч рублей, последующую перепродажу долей и другие обстоятельства. В удовлетворении требований судом первой инстанции было отказано. Апелляционная инстанция оставила в силе решение, указав, что отсутствие добросовестности покупателей при определении ими цены договоров не может являться основанием для признания данных договоров недействительными. Верховный Суд отменил судебные акты, направив дело на новое рассмотрение, поскольку судами не были исследованы обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестности сторон, несмотря на то что они имели существенное значение для дела. Кроме того, суды не учли, что истец представил достаточные доказательства недобросовестности продавца и покупателя, которые при заключении оспариваемой сделки действовали с намерением причинить вред истцу. В связи с этим именно на ответчиков переходит бремя доказывания того, что сделка совершена в интересах контрагентов, по справедливой цене, а не для причинения вреда кредитору путем воспрепятствования обращению взыскания на имущество и имущественные права должника [14].

Стоит отметить, что Пленум Верховного Суда РФ в указанном Постановлении допускает возможность признания поведения стороны недобросовестным не только по заявлению одной из сторон, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. Однако процессуальное законодательство не содержит подобного положения, расширяющего роль суда и отчасти ограничивающего действие принципа диспозитивности. Не установлены в процессуальном законодательстве и требования к форме и содержанию заявления стороны о недобросовестном поведении, а также действия суда, которые должны последовать в случае подачи такого заявления. Полагаем, что действия стороны могут быть расценены с позиции ч. 1 ст. 35 ГПК РФ как объяснения, данные в устной или письменной форме. Что касается активной роли суда в этом вопросе, то отчасти это объясняется положением ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, в соответствии с которой суд наделен правом выносить на обсуждение обстоятельства, имеющие значение для дела, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались. Однако нельзя признать тождественными правомочия «выносить на обсуждение обстоятельства» и «признать поведение недобросовестным по инициативе суда». Очевидно, что Верховный Суд РФ в указанном Постановлении вновь вышел за пределы лишь толкования и разъяснения нормы права, в связи с чем считаем необходимым закрепление права суда признать поведение стороны недобросовестным по своей инициативе в гражданском процессуальном законодательстве.

Итак, последствием установления факта недобросовестного поведения одной из сторон, в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения, будут являться отказ в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применение иных мер, обеспечивающих защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (ст. 10 ГК РФ). А.Н. Кузбагаров полагает, что в случае заявления стороны о недобросовестном поведении в материальных правоотношениях вопрос об отказе в защите права целесообразно решать уже на стадии подготовки гражданского дела к судебному разбирательству [9. С. 419]. Разделяя в целом мнение автора о необходимости повышения культуры участников гражданского оборота, позволим себе не согласиться с указанным предложением, поскольку факты, которые необходимо установить для правильного разрешения дела, носят материально-правовой характер. Для выяснения наличия или их отсутствия требуется тщательное исследование и оценка доказательств, что может быть осуществлено только в ходе судебного разбирательства. В настоящее время вынесение решения об отказе в иске на стадии подготовки дела к судебному разбирательству возможно только в случае заявления ответчиком возражения относительно пропуска истцом без уважительных причин срока исковой давности или срока обращения в суд. Подобное право суда вполне обоснованно, поскольку в данном случае исследуется процессуальный вопрос, который вполне может быть разрешен без исследования фактических обстоятельств дела.

Процедура доказывания факта злоупотребления правом, достаточно сложна в связи с отсутствием четких критериев оценки таких социально-психологических категорий, как вина, умысел. Очевидно, что подобные критерии вряд ли могут быть выработаны и закреплены в процессуальном законодательстве. Процесс оценки доказательств представляет собой особую мыслительную деятельность судьи, сочетающую в себе правовые, психологические и логические аспекты. Судья оценивает доказательства, исходя из своего внутреннего убеждения, на которое могут повлиять различные факторы: характеристика стороны, ее поведение в ходе судебного разбирательства, общественное мнение, чувство ответственности и т.д. [15. С. 107].

Тем не менее в случае выявления отклонения действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения судье необходимо определить, какие юридически значимые обстоятельства необходимо включить в предмет доказывания, разъяснить сторонам, какими доказательствами они могут быть подтверждены ли опровергнуты, на ком лежит бремя дока-

зывания. Например, в предмет доказывания могут входить следующие факты: 1) факт наличия права, предусмотренного нормативно-правовым актом или договором; 2) факт реализации права; 3) осуществление конкретного права с целью причинения вреда другому лицу; 4) причинно-следственная связь между реализацией права и причиненным вредом. Представленные доказательства должны проверяться судьей в соответствии с правилами оценки доказательств: относимости, допустимости, достоверности, достаточности.

В ряде случаев избежать злоупотребления правом и, соответственно, связанных с эти проблем доказывания возможно путем совершенствования законодательства. Так, зачастую намеренное увеличение просрочки исполнения происходит в ситуации, когда кредитор несвоевременно подает иск о взыскании неустойки с целью увеличения ее размера [16]. Выходом из подобной ситуации могло бы стать законодательное установление разумного срока обращения в суд с иском к заемщику, нарушившему график платежей – не позднее трех месяцев с момента нарушения заемщиком графика платежей. Необходимо, на наш взгляд, четко определять границы реализации прав на законодательном уровне в тех ситуациях, где это представляется возможным.

Одной из проблем, связанных со злоупотреблением, но не получившей должного внимания в юридической науке, является проблема недобросовестного исполнения обязанности. Подобная ситуация может возникнуть при совпадении прав и обязанностей. Так, ненадлежащее исполнение своих обязанностей опекуном причиняет вред подопечному. Зачастую возможность злоупотребления допускается законодательно, например, в случае выбора обязанным лицом такого способа реализации своих обязанностей, который заведомо не выгоден контрагенту, или в ситуации, когда кредитор не принимает исполнения факультативного обязательства, вынуждая, таким образом, должника выбрать невыгодный для него вариант обязательства.

Межотраслевой характер проблемы злоупотребления проявляется также в ситуациях, связанных с недобросовестным исполнением должностными лицами своих обязанностей или даже превышением служебных полномочий. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 272 ГПК РФ суд при подготовке дела об усыновлении (удочерении) обязывает органы опеки и попечительства представить заключение об обоснованности и о соответствии усыновления интересам ребенка. В современной действительности нередки случаи формального подхода органов опеки и попечительства к составлению такого заключения. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решение Камчатского краевого суда об удовлетворении заявления граждан Испании об удочерении несовершеннолетней девочки. При пересмотре дела судом кассационной инстанции было установлено, что органы опеки и попечительства не приняли меры для установления родственников усыновляемого ребенка. Результаты прокурорской проверки показали, что у девочки имеются тетя и бабушка, которые возражают против ее удочерения иностранными гражданами [17]. Таким образом, судебное решение было вынесено в нарушение п. 4 ст. 124 СК РФ, не допускающей усыновление детей иностранными гражданами или лицами без гражданства в случаях, если имеется возможность передать этих детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам детей [18]. В связи с этим судам необходимо реагировать на недобросовестное поведение должных лиц и в случае ненадлежащего исполнения органами опеки и попечительства своих обязанностей выносить в их адрес частные определения, руководствуясь ч. 1 ст. 226 ГПК РФ.

Возможность применения процессуальной ответственности за недобросовестное поведение или злоупотребление правами лицами, участвующими в деле, также предусмотрена в процессуальном законодательстве. Так, ч. 2 ст. 41 АПК РФ закрепляет положение, в соответствии с которым злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные Кодексом неблагоприятные последствия. В соответствии с ч. 1 ст. 116 КАС РФ к лицам, нарушающим установленные в суде правила и препятствующим осуществлению административного судопроизводства, могут быть применены меры процессуального принуждения. Статья 99 ГПК РФ устанавливает возможность взыскания компенсации в пользу другой стороны в случае недобросовестного заявления неосновательного иска, систематического противодействия правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела. Однако указанная норма редко применяется в судебной практике. Стоит отметить, что последствием недобросовестного исполнения процессуальных обязанностей может являться не только применение мер гражданской процессуальной ответственности, но и мер гражданской процессуальной защиты, например, таких как отказ в удовлетворении заявленных ходатайств, оставление заявления без рассмотрения, отказ в принятии встречного иска.

Однако в некоторых случаях возможны ситуации, когда лицо действует недобросовестно, судья понимает это в ходе судебного разбирательства, однако привлечь к ответственности такое лицо не представляется возможным. Например, если свидетель может быть привлечен к уголовной ответственности за дачу ложных показаний, то ответственность истца или ответчика за дачу ложных объяснений законодательством не предусмотрена. В связи с этим нередки случаи умышленного искажения существовавших в действительности фактов одной из сторон. Так, если истец действует недобросовестно, а ответчик не признает иск, но и не представляет доказательства в свою защиту, решение будет вынесено в пользу истца. Это является своеобразной «санкцией» в виде неблагоприятного последствия за недобросовестное выполнение обязанности по доказыванию. Поскольку суд в гражданском судопроизводстве в настоящее время не собирает доказательства по собственной инициативе, в подобной ситуации, очевидно, что вынесенное решение не будет истинным[1].

Стоит отметить, что даже законодательно установленная ответственность свидетеля за дачу ложных показаний не препятствует их недобросовестному поведению. Анализ практики применения ст. 307 УК РФ (в установлении факта ложных показаний, данных при рассмотрении гражданского дела) свидетельствует о незначительном количестве подобных дел, что обусловлено, на наш взгляд, трудностями доказывания факта лжи [19].

Проблема добросовестной реализации права на представление доказательств и исполнения обязанности доказывания фактических обстоятельств, имеющих значение для дела, тесным образом связана с правилом раскрытия доказательств. Статья 149 ГПК РФ закрепляет перечень действий сторон при подготовке дела к судебному разбирательству, который сводится к передаче друг другу копий доказательств, возражений. При этом никаких последствий уклонения сторон от добросовестного исполнения таких обязанностей закон не предусматривает. Очевидно, что именно на этапе подготовки дела к судебному разбирательству должно осуществляться полноценное раскрытие доказательств в целях правильного определения судьей круга обстоятельств, подлежащих установлению в ходе судебного разбирательства.

Определенный шаг в сторону реализации принципа раскрытия доказательств сделан Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Там же], вносящим изменения в ст. 56 ГПК РФ в части закрепления обязанности каждого лица, участвующего в деле, раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, в пределах срока, установленного судом. Полагаем, что редакция ст. 65 АПК РФ является более удачной, поскольку предусматривает право лиц, участвующих в деле, в ходе судебного разбирательства ссылаться только на те доказательства, с которыми другие лица были ознакомлены заблаговременно. Кроме того, АПК РФ допускает возможность привлечения к ответственности за нарушение порядка и срока представления доказательств, состоящую в возложении на лицо, допустившее такое нарушение, судебных расходов независимо от результатов рассмотрения дела.

Подобная санкция, несомненно, побуждает заинтересованное лицо представлять доказательства в срок, что способствует предотвращению недобросовестного поведения и реализации принципа процессуальной экономии.

Итак, рассмотрение отдельных проблем добросовестного поведения сторон в материальных и процессуальных правоотношениях позволяет сделать следующие выводы.

1. Категория «добросовестность» носит межотраслевой характер, являясь значимым началом осуществления прав и исполнения обязанностей, находясь в сфере морально-этических основ правового регулирования.

2. В содержание принципа добросовестности входят следующие составляющие: обязанность совершения действий субъектами правоотношений на основе требований морали и права; учет прав и законных интересов другой стороны; соблюдение баланса общих и индивидуальных интересов; запрет извлечения преимущества из своего недобросовестного поведения.

3. Изменение гражданского законодательства оказало влияние на процессуальное правоприменение, в связи с чем в процессуальном законодательстве должны найти отражение положения, закрепляющие активную роль суда в установлении недобросовестного поведения стороны.

4. Суду необходимо активнее использовать механизмы пресечения злоупотребления процессуальными правами, предусмотренные действующим законодательством. Введение принципа добросовестности в процессуальное законодательство будет способствовать добросовестному осуществлению процессуальных прав, исполнению обязанностей в целях правильного и своевременного разрешения дела.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Полагаем, что принцип «объективной», «судебной истины» утратил свое существование с введением в действие ГПК РФ 2002 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
2. Постановление VII Всероссийского съезда судей РФ от 04.12.2008 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования» // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2009. № 1.
3. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2018 год. URL: https://pravo.ru/story/209019/ (дата обращения: 01.04.2019).
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1991. С. 145.
5. Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 309.
6. Долгих М.Г. Юридическая природа недобросовестной конкуренции // Законодательство. 2003. № 11. С. 31.
7. Ясер Сулейман Хассан Мохаммед. Сущность понятия «злоупотребление правом» в свете положений о незаконности использования правом статьи 117 Гражданского кодекса Йемена // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета Казанского государственного университета. Казань, 2004. Вып. 5, ч. 2. С. 8–9.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М., 2006. С. 24.
9. Кузбагаров А.Н. Добросовестность потребителя: материально- и процессуально-правовой аспекты // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. Науки, 2017. Т. 159. С. 418–425.
10. Громов Н.В. Споры, связанные с применением ст. 10 ГК РФ // Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 4 / отв. ред. В.Ф. Яковлев. М., 1997. С. 83.
11. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 10.

12. Сарбаш С.В. Исполнение обязательств // Хозяйство и право. 2009. № 3. С. 26.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015) // СПС КонсультантПлюс.
15. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе : учеб-практ. пособие. М., 2010. С. 107.
16. Определение ВАС РФ от 18 января 2008 г. № 18043/07 по делу № А32-4857/2007-17/90 «В передаче дела по иску о взыскании денежной суммы, в том числе основного долга, процентов на сумму займа, пеней, для пересмотра в порядке надзора судебных актов отказано, так как оснований, предусмотренных ст. 304 АПК РФ, для пересмотра в порядке надзора оспариваемых судебных актов не установлено» // СПС КонсультантПлюс.
17. Обзор Верховного суда Российской Федерации практики рассмотрения в 2011 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации. Утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 мая 2012 года // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=7970
18. Обзор практики рассмотрения в 2017 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации. Утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.05. 2018. // СПС КонсультантПлюс.
19. Приговоры судов по ст. 307 УК РФ. URL: http://sud-praktika.ru/precedent/category/1159.html (дата обращения: 18.06.2019).
20. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вступает в силу с момента создания апелляционных, кассационных судов общей юрисдикции) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18.06. 2019).

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 сентября 2019 г.

Some Problems of Conscientious Implementation of Rights and Fulfilment of Duties: Material and Procedural Aspects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 196–202.
DOI: 10.17223/15617793/451/26

Evgeny V. Vavilin, Saratov State Academy of Law (Saratov, Russian Federation). E-mail: evavilin@yandex.ru
Anastasia V. Chekmareva, Saratov State Academy of Law (Saratov, Russian Federation). E-mail: anastasiya-chekmareva@yandex.ru

Keywords: principle of good faith; abuse of right; rights and duties of parties; civil law; judicial protection of civil rights.

The article reveals and proposes ways to solve some problems of conscientious implementation of rights and fulfilment of duties in civil law and procedure. The study is based on the analysis of Russian and foreign legal acts, scientific literature, and materials of judicial practice. Methodologically, the research is based on general principles, methods and techniques of scientific knowledge, and on specific legal ones. The initial method was dialectical analysis as a universal method of research. In addition, the following research methods were used: formal legal, legal technical, interpretation of law, a systematic analysis of judicial and law enforcement practice. During the study of some problems of conscientious behaviour of the parties in material and procedural legal relationship, the intersectoral nature of the implementation of the principle of conscientiousness was revealed because the duty of conscientious behaviour is assumed not only in case of implementation, but also in case of protection of civil rights. However, unlike the Civil Code of the Russian Federation, procedural laws do not consolidate conscientiousness as a principle, which cannot be accepted as a correct one. It is not possible to deny the influence of moral principles on the formation of modern legislation as well as the legal awareness of participants in legal relations. A confirmation of this is the implementation of the principles of good faith, reasonableness, justice, both in material and procedural legal relationship. The action of these principles provides equal opportunities for protection, the necessary balance of rights and duties, the combination of legal and moral principles in the regulation of legal relations. The components of conscientious behaviour are revealed: the obligation to carry out actions by the subjects of legal relations based on the requirements of morality and law; account of the rights and legitimate interests of the other party; maintainance of a balance of common and individual interests; the prohibition of taking advantage of unconscientious behaviour. The authors conclude that the change in civil law had an impact on procedural law enforcement, and therefore procedural legislation should reflect positions that reinforce the court's active role in the establishment of the unconscientious behaviour of a party. The introduction of the principle of conscientiousness in the procedural legislation will contribute to the conscientious implementation of procedural rights, the fulfilment of duties for a correct and timely resolution of the case.

REFERENCES

1. Konsul'tantPlyus. (2012) *Federal Law of December 30, 2012, No. 302-FZ "On Amendments to Chapters 1, 2, 3 and 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"*. Moscow: Konsul'tantPlyus. (In Russian).
2. *Vestnik Vysshey kvalifikatsionnoy kollegii sudey RF*. (2009) Postanovlenie VII Vserossiyskogo s"ezda sudey RF ot 04.12.2008 g. "O sostoyanii sudebnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii i prioritetnykh napravleniyakh ee razvitiya i sovershenstvovaniya" [Resolution of the VII All-Russian Congress of Judges of the Russian Federation of December 4, 2008, "On the State of the Judicial System of the Russian Federation and Priority Directions for Its Development and Improvement"]. 1.
3. Pravo.ru. (2019) *Verkhovnyy sud podvel itogi raboty sudov za 2018 god* [The Supreme Court Summed up the Results of the Work of the Courts for 2018]. [Online] Available from: https://pravo.ru/story/209019/. (Accessed: 01.04.2019).
4. Ozhegov, S.I. (1991) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk. p. 145.
5. Zhalinskiy, A. & Roericht, A. (2001) *Vvedenie v nemetskoe pravo* [Introduction to German Law]. Moscow: Spark.
6. Dolgikh, M.G. (2003) Yuridicheskaya priroda nedobrosovestnoy konkurentsii [The Legal Nature of Unfair Competition]. *Zakonodatel'stvo*. 11.
7. Yasser Suleiman Hassan Mohammed. (2004) Sushchnost' ponyatiya "zloupotreblenie pravom" v svete polozheniy o nezakonnosti ispol'zovaniya pravom stat'i 117 Grazhdanskogo kodeksa Yemena [The Essence of the Concept "Abuse of Right" in the Light of the Provisions on the Illegality of the Use of the Right of Article 117 of the Civil Code of Yemen]. In: *Sbornik aspirantskikh nauchnykh rabot yuridicheskogo fakul'teta Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Collection of Postgraduate Research Works of the Law Faculty of Kazan State University]. Is. 5. Pt. 2. Kazan: Kazan State University. pp. 8–9.
8. Abova, T.E. & Kabalkin, A.Yu. (eds) (2006) *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii, chasti pervoy (postateynyy)* [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part One (Article by Article)]. Moscow: Yurayt-izdat.

9. Kuzbagarov, A.N. (2017) Consumer's Fairness: Substantive and Procedural Legal Aspects. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanit. Nauki*. 159. pp. 418–425. (In Russian).
10. Gromov, N.V. (1997) Spory, svyazannye s primeneniem st. 10 GK RF [Disputes Related to the Application of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation]. In: Yakovlev, V.F. (ed.) *Kommentariy sudebno-arbitrazhnoy praktiki* [Commentaries of Judicial Arbitration Practice]. Is. 4 Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. Yudin, A.V. (2009) *Zloupotreblenie protsessual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. St. Petersburg.
12. Sarbash, S.V. (2009) Ispolnenie obyazatel'stv [Fulfillment of Obligations]. *Khozyaystvo i pravo*. 3.
13. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2015) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 "O primenenii sudami nekotorykh polozheniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"]. 8.
14. Konsul'tantPlyus. (2015) *Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2015) (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 26 June 2015).* Moscow: Konsul'tantPlyus. (In Russian).
15. Reshetnikova, I.V. (2010) *Dokazyvanie v grazhdanskom protsesse* [Proving in the Civil Procedure]. Moscow: Yurayt.
16. Konsul'tantPlyus. (2008) *The Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of January 18, 2008, No. 18043/07 in Case No. a32-4857/2007-17/90 "To Deny the Transfer of the Case on the Claim for the Recovery of a Sum of Money, Including the Main Debt, the Interest on the Loan, and the Interest Fine, for a Review in the Exercise of Supervisory Powers of Judicial Acts Since the Grounds Provided for in Article 304 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation for a Review of These Judicial Acts Have Not Been Established".* Moscow: Konsul'tantPlyus. (In Russian).
17. Supreme Court of the Russian Federation. (2012) *Obzor Verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii praktiki rassmotreniya v 2011 godu oblastnymi i ravnymi im sudami del ob usynovlenii detey inostrannymi grazhdanami ili litsami bez grazhdanstva, a takzhe grazhdanami Rossiyskoy Federatsii, postoyanno prozhivayushchimi za predelami territorii Rossiyskoy Federatsii. Utverzhden Prezidiumom Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii 23 maya 2012 goda* [The Supreme Court of the Russian Federation Review of the 2011 Judicial Practice in Regional and Equal Courts in Cases Regarding the Adoption of Children by Foreign Citizens, Stateless Persons or Citizens of the Russian Federation Permanently Residing Outside the Territory of the Russian Federation. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 23, 2012]. [Online] Available from: http://www.vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=7970
18. Konsul'tantPlyus. (2018) *The Supreme Court of the Russian Federation Review of the 2017 Judicial Practice in Regional and Equal Courts in Cases Regarding the Adoption of Children by Foreign Citizens, Stateless Persons or Citizens of the Russian Federation Permanently Residing Outside the Territory of the Russian Federation. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 30, 2018.* Moscow: Konsul'tantPlyus. (In Russian).
19. Sud-praktika.ru. (n.d.) *Prigovory sudov po st. 307 UK RF* [Sentences of the Courts Under Art. 307 of the Criminal Code]. [Online] Available from: http://sud-praktika.ru/precedent/category/1159.html. (Accessed: 18.06.2019).
20. Konsul'tantPlyus. (2018) *Federal Law of 28 November 2018 No. 451-FZ "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (Comes Into Force From the Moment of the Creation of Appeal Courts of Cassation of General Jurisdiction).* Moscow: Konsul'tantPlyus. (In Russian).

Received: 24 September 2019